

А. А. Касович

ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЕВ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ В XX ВЕКЕ

Обычно войны и великие сражения служат точками отсчета новых периодов в истории народов. Однако, они же могут и связывать разные поколения людей общей исторической памятью. Политические и культурные элиты стремятся воздействовать на коллективную память, чтоб через формирование определенного мифа управлять сознанием людей. Нации едва ли не в первую очередь идентифицируют себя и утверждают свое существование вымышленными или настоящими жертвами, на которые шли предыдущие поколения ради будущих. С одной стороны, мифы о прошедших поражениях или победах показывают героизм и самоотверженность предков, а с другой — помогают определить национальный образ врага¹.

Важной составляющей в сотворении политического мифа являются юбилейные торжества. С их помощью организаторы получают возможность охватить наибольшую аудиторию, наиболее успешно внедрить свои представления о прошлом, настоящем, и главное — о будущем страны или народа². Кроме того, юбилеи конструируют некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, но и к будущему.

В настоящей работе были использованы как источники юбилейные статьи и брошюры, посвященные Грюнвальдской битве, изданные в Российской империи и СССР, высказывания польских политических деятелей, сделанные ими во время празднования годовщин сражения, опубликованные директивы польских властей и литературные произведения, и художественный фильм Александра Форда «Кре-

¹ Mick C. Kriegserfahrungen und die Konstruktion von Kontinuität. Schlachten und Kriege im ukrainischen und polnischen Gedächtnis 1900–1930 // Gründungsmythen, Genealogien, Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität. Köln, 2004. S. 109.

² Цимбаев К. Н. Феномен юбилея в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // ВИ. 2005. № 11. С. 98.

стоноscopy». К сожалению, специальных научных работ, посвященных указанной теме, в отечественной историографии нет. За рубежом, напротив, эта проблематика привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание польских и немецких ученых. Однако они ограничивают свои исследования исключительно торжествами в Галиции или некоторыми аспектами празднования 550-летия в Польше. Цель настоящей работы состоит в выявлении характера празднований 500-летия и 550-летия Грюнвальдской битвы и его особенностей в польских землях и в Российской империи, а потом в СССР.

Празднование 500-летия Грюнвальдской битвы в Галиции и отклики на него в Российской империи

Впервые как национальный праздник 15 июля отмечалось в 1902 г. в Галиции. Толчком к этому послужило внедрение немецкого лютеранского катехизиса в преподавание Закона Божьего в католической Польше и антипольская речь императора Вильгельма II, произнесенная им на празднике рыцарей ордена иоаннитов в Мариенбурге в том же году³. Однако если первое празднование носило во многом характер протеста, то второе, приуроченное к 500-летию битвы в 1910 г., имело гораздо больший размах.

15–17 июля 1910 г. около 150 000 человек со всех польских областей, в том числе прибывшие из Российской и Германской империй и из эмиграции, собрались в средневековой столице Польши Кракове⁴. Это место было выбрано неслучайно: отсюда Ягайло отправлялся в поход на Грюнвальд, и сюда же вернулся с отнятыми у тевтонского войска знаменами. В Кракове на Вавеле находится и его могила. Само Грюнвальдское поле не смогло стать местом проведения торжеств, так как оно находилось на территории Германской империи, по понятным причинам не приветствовавшей эти мероприятия.

На праздновании в Кракове были представлены все социальные слои, политические и общественные организации: от социал-демократов до национал-демократов, от крестьян до высшего дворянства. Важную роль во всех юбилейных мероприятиях играла католическая церковь, однако сообщения о собраниях, посвященных юбилею, приходили даже из синагог⁵.

В первый день, 15 июля, в 12 часов дня был торжественно открыт памятник Грюнвальдской битве (на современной площади Яна Матейко) работы молодого скульптора Антония Вивульского⁶. На фотографиях с церемонии открытия монумента можно видеть огромные массы народа, что убедительно свидетельствует об исключительной значимости этого мемориала для общественного сознания⁷. На церемонии передачи городу мемориала выступили спикер Польского Сейма

³ Подробнее см.: *Fras Z.* O Wilhelmie II, mowie malborskiej i obchodach rocznicy bitwy grunwaldzkiej w 1902 r. // *Zbliżenia. Polska-Niemcy.* 1994. Bd. 3. S. 67–75.

⁴ *Mick C.* «Den Vorvätern zum Ruhm — den Brüdern zur Ermutigung». Variationen zum Thema Grunwald / Tannenberg // *Zeitenblicke.* 2004. T. 3. Bd. 1. S. 21.

⁵ *Mick C.* Kriegererfahrungen und die Konstruktion von Kontinuität. S. 117.

⁶ *Ekdahl S.* The battle of Tannenberg-Grunwald-Zalگیرis (1410) as reflected in Twentieth century monuments // *Military orders.* 2008. T. 3: History and Heritage. S. 179–180.

⁷ *Kopczyński J., Siuchniński M.* Grunwald. 500 lat chwały. Warszawa, 1960. S. 299.

Церемония открытия памятника Грюнвальдской битве в Кракове 15 июля 1910 г.

Станислав Бадени (*Stanislaw Badeni*), мэр Кракова Юлиуш Лев (*Juliusz Leo*). Последним держал слово известный пианист, спонсировавший возведение памятника, Игнатий Ян Падеревски (*Ignacy Jan Paderewski*), который в своей речи сказал:

Памятник, который мы видим, не создан из-за ненависти к кому-то. Он создан в глубокой любви к Отечеству, и не только в виде его прошлого величия и слабости настоящего, но в виде яркого, сильного будущего. Памятник создан как символ уважения и благодарности к тем нашим предкам, которые шли на поле боя не ради добычи, но для защиты добра и справедливости. <...> Мы горячо верим, что каждый поляк и литовец из всех областей нашего древнего Отечества, или живя даже за океаном, будет видеть этот памятник как знак общего прошлого, общего свидетельства о славе, и обещания лучших времен. И поэтому мы дарим этот мемориал нашей любимой древней столице в вечное владение.

Чтобы проникнуться духом битвы, скульптор А. Вивульский несколько раз перечитал «Крестоносцев» Сенкевича⁸. У подножия 24-метрового памятника лежала поверженная фигура магистра Тевтонского ордена, над ним, опираясь на меч, стоял Витовт. По обе стороны от него расположились скульптурные группы, символизирующие литовское и польское ополчения. На обратной стороне польский крестьянин разрывал на себе цепи, что олицетворяло освобождение от ига Тевтонского ордена. Венчала памятник конная статуя Владислава II Ягайло. Его левая рука держала

⁸ Mick C. «Den Vorvätern zum Ruhm — den Brüdern zur Ermutigung». S. 27.

узду коня, в правой свисал обнаженный меч. Цоколь памятника был выполнен из гранита, привезенного из Швеции. «Предкам к славе — братьям к поощрению» (польск. «Pracojcom na chwale — braciom na otuchę») гласила надпись на монументе⁹.

Во второй день торжеств прошли спортивные соревнования. А в последний день тысячи краковцев и гостей города приняли участие в шествии к могилам Ягайло и Ядвиги на Вавеле¹⁰. Вся центральная часть города была празднично украшена. Вечером состоялась иллюминация.

Организационный комитет празднования поручил ученикам Яна Матейко Тадеушу Поппелю и Зигмунту Розвадовскому создать панораму Грюнвальдской битвы. Но, в отличие от учителя, Поппель и Розвадовский изобразили не само сражение, а его окончание, разгром тевтонцев. В левом краю полотна изображены плененные тевтонские кнехты и рыцари. А на другом краю мы видим, что еще секунда — и Великий магистр ордена Ульрих фон Юнгинген примет смерть либо от простолюдина с дубинкой, либо от готовящегося ударить пикой польского рыцаря.

Полотно живописцев, как и одноименная картина Матейко, полно злободневной символики, отражавшей надежды на свободу польской нации. Так же как и на картине Матейко, присутствует знамя тевтонского города Браунсберг (совр. Бранево), на котором изображены два креста, черный и белый. Можно предположить, что решение использовать именно это знамя из многих других, участвовавших в битве, было принято неслучайно. Подобная форма крестов продолжала использоваться Пруссией, а позже и Германской империей, в знаках отличия и орденах¹¹. Неслучайно и то, что рядом изображена поверженная на землю хоругвь города Алленштайн (совр. Ольштын), крайне похожая на штандарт Германской империи. Все это делало картину сильным идеологическим оружием против политики германизации. Для ее демонстрации предполагалось построить специальный павильон.

Особо следует отметить музыкальную составляющую юбилея. Кроме «Богородицы», которую пели польские полки на битве, звучало немало новых патриотических гимнов. Самым известным среди них стала «Клятва» (польск. «Rota») Марии Конопник. Слова песни призывали остановить политику германизации¹². В честь 500-летия Грюнвальдской битвы были выбиты специальные медали и напечатаны открытки, на которых аллегорично изображалась победа Польши над Тевтонским орденом¹³.

Торжественные мероприятия проводились не только в Кракове, но и по всей Галиции. Так, по подсчетам польского журналиста и историка Генрика Лесновского (*Henryk Lesniowski*), в 1910 г. примерно 60 отдельных селений и городов в австрийской Галиции установили памятники Грюнвальдской битве. А в 20 км от Кракова в Неполомице (*Niepolomice*) в память о победе был насыпан холм¹⁴.

⁹ Памятник был уничтожен во время фашистской оккупации в ноябре 1939 г., и восстановлен на прежнем месте только в 1976 г. (*Касович А. А.* Грюнвальдская битва в исторической памяти народов Восточной Европы // Славянский сборник. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 16).

¹⁰ *Mick C.* «Den Vorvätern zum Ruhm — den Brüdern zur Ermutigung». S. 29.

¹¹ Описание и изображение этих тевтонских хоругвей см.: *Ekdahl S.* Die «Banderia Prutenorum» des Jan Dlugosz — eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Göttingen, 1976. S. 217, 245.

¹² Подробнее см.: *Przerembski Z.* Muzyka w krakowskich uroczystościach grunwaldzkich 1910 roku // *Studia Historyczne*. 2003. Т. 46. S. 147–161.

¹³ *Mick C.* «Den Vorvätern zum Ruhm — den Brüdern zur Ermutigung». S. 33.

¹⁴ *Ekdahl S.* The battle of Tannenberg... S. 181.

Объединяя поляков, организаторы юбилея битвы обошли вниманием вклад в разгром тевтонских войск литовских, белорусских и украинских воинов. Их делегации даже не были приглашены в Краков. Гости из Чехии и Словакии, напротив, были великолепно приняты¹⁵. В Литве, на родине Витовта и Ягайло, тоже были организованы торжества, но в гораздо меньших размерах.

В Российской империи, в которую входило большинство земель, некогда давших полки союзному польско-литовскому войску, празднование Грюнвальдского юбилея осталось мало замеченным на фоне других юбилеев 1910 г.¹⁶ Правительство не поддержало идеи о широком праздновании круглой даты этого исторического сражения. Однако деятельность немногих инициативных групп встретила благожелательную позицию властей. Во многих городах европейской части России в 1909–1910 гг. были изданы популярные брошюры и научные статьи¹⁷ и проведены торжественные собрания, где заслушивались доклады, посвященные Грюнвальдской битве и ее значению. Большинство выступавших выделяли особую роль смоленских полков и даже приписывали все лавры победы полкам из «русских» земель ВКЛ и Польского королевства¹⁸. Некоторые авторы называли это судьбоносное сражение на манер русских летописей¹⁹ «Дубравнинским»²⁰, подчеркивая тем самым решающую роль русских в сражении. В некоторых изданиях объявлялось, что при Грюнвальде не менее половины войска составляли русские отряды²¹.

Главной идеей юбилейных публикаций было, что Грюнвальдская битва явилась апогеем борьбы славян и немцев в Средние века²². Исходя из этого битва сравнивалась с Ледовым побоищем²³. Отсюда выводилась мысль о том, что недобитый при Грюнвальде и в более поздних войнах Тевтонский орден сумел дожить до преобразования в Прусское королевство, которое, усилившись, снова начало наступление на славян. Преемник великого магистра, король Фридрих II, довел дело крестоносцев до конца, уничтожив Польшу²⁴.

Такая историческая параллель должна была подчеркнуть глубокую многовековую историческую традицию противостояния славян и немцев. Российскому обществу в преддверии неизбежной мировой войны между двумя военно-политическими группировками исподволь навязывалась мысль о панславистской ответственности России за весь славянский мир перед лицом воинствующего пангерманизма. С этой

¹⁵ Mick C. «Den Vorvätern zum Ruhm — den Brüdern zur Ermutigung». S. 36.

¹⁶ Цимбаев К. Н. Феномен юбилеямани... С. 99–100.

¹⁷ Ровинский К. И. Битва при Грюнвальде (1410 г.) и ее значение для славянского мира. Смоленск, 1910; Грюнфельде–Танненберг. 15 июля 1410 г. (Грюнвальденский бой): Юбилейный иллюстрированный сборник статей членов императорского русского военно-исторического общества. Киев, 1910; Крачковский П. А. Грюнвальдский бой и его значение для славян // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. Кн. I. С. 24–30; и др.

¹⁸ Довгялло Д. И. Битва при Грюнвальде: 15 июля 1410 г. (к 500-летию юбилею). Вильно, 1909. С. 20.

¹⁹ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 104.

²⁰ Томили С. Грюнвальдская битва 1410 года: Военно-исторический очерк к пятистолетию. Вильна, 1910. С. 4, 29.

²¹ Там же. С. 22.

²² Наркевич Н. Ф. Грюнфельде–Танненберг 1410 г. Рига 1710 // Грюнфельде–Танненберг: 15 июля 1410 г. ... С. 6–7.

²³ Томили С. Грюнвальдская битва... С. 3.

²⁴ Тевтонские крестоносцы (1410–1910): Историческая справка в 500-летнюю годовщину Грюнвальдского боя. Нижний Новгород, 1910. С. 20–21; Гейсман П. А. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию и сражение у Грюнвальда 15 июля 1410 г. СПб., 1910. С. 43.

точки зрения, Российская империя в пропагандистских целях ассоциировалась со славянским ядром, противостоявшим тевтонско-немецкой агрессии в Средние века, и способным отразить грядущую агрессию Германской империи.

На общем фоне выделяется доклад профессора Н. Н. Любовича на заседании общества истории и филологии при Императорском Варшавском Университете 14 ноября 1910 г., где он заявил, что:

Нет основания придавать мировое значение битве и видеть в ней антагонизм славян и немцев. Так как национальное самосознание стало только зарождаться у чехов, но не стоит его искать у литовцев Ягайло и Витовта, так же не было заметно и ошутимого патриотизма в Силезии и в Поморье.

Таким образом, по его мнению, говорить о столкновении двух культур в начале XV в. бессмысленно²⁵.

Все авторы были абсолютно едины во мнении, что узурпация Грюнвальдской победы поляками недопустима²⁶. Поэтому совершенно необходимо проведение юбилейных торжеств в Смоленске. Так же они сетовали на недостаточную осведомленность населения о столь важном для русского народа сражении²⁷.

Разумеется, данный юбилей не мог быть обделен вниманием отечественных литераторов. Одним из них был кадровый офицер Василий Ефимович Вязьмитинов, весьма успешно сочетавший талант поэта и скрупулезность военного историка. В 1910 г. его небольшая поэма «Грюнвальд. 15–VII–1410», опубликованная сразу в двух сборниках²⁸, стала заметным событием в литературной жизни западных русских губерний.

Два эпитафия из Пушкинских «Полтавы» и «Песни о вешем Олеге», видимо, были призваны оттенить несовершенство поэтического дарования автора. Они же настраивают читателя на восприятие произведения, посвященного суровой битве. Автор предпринимает попытку обратиться к читателю на языке древнерусской литературы, подражая таким эпическим произведениям, как «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». По его мнению, так могла бы выглядеть песня XV в. о Грюнвальде на русском языке. Историческая основа произведения очень добротна и соответствует достижениям русской историографии на начало XX века²⁹. Вязьмитинов почти дословно передает слова герольдов магистра Тевтонского ордена к Ягайло и Витовту, приводимые польским хронистом Яном Длугошем в его «Истории Польши».

Разумеется, автор не мог обойти подвиг трех смоленских полков, выдержавших удар превосходивших сил Тевтонского ордена. При этом, кроме воспевания воинской доблести смоленских богатырей, данный отрывок служил идеологическим целям — подчеркнуть решающую роль русских хоругвей в победе:

Здесь смоленцы показали
Мощь славянскую свою,
Славу вечную стяжали
В этом памятном бою!

²⁵ Любович Н. Н. Грюнвальдская битва и ее историческое значение. Варшава, 1911. С. 8.

²⁶ Довгялло Д. И. Битва при Грюнвальде... С. 4–5.

²⁷ Тевтонские крестоносцы... С. 1.

²⁸ Вязьмитинов В. Е. 1) Грюнвальд. 15–VII–1410 // Военно-исторический вестник. 1910. № 7–8. С. 71–76; 2) Грюнвальд. 15–VII–1410 // Грюнфельде–Танненберг. 15 июля 1410 г. ... С. 71–76.

²⁹ Гейсман П. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию и сражение у Грюнвальда 15 июля 1410 г. // Военный сборник. 1910. № 7. С. 37–70.

Осмысление исторических фактов Вязьмитиновым происходит в русле позднего славянофильства. Грюнвальдская битва преподносится поэтом в виде столкновения добра и зла, борьбы двух противоположных миров: мира господства и порабощения и мира свободы, германского мира и мира славян:

На Грюнвальдском чистом поле,
Бьется с немцем славянин,
Чтобы жить в свободной доле,
Как свободный господин.

В завершении поэмы автор, возводя в абсолют общность славян, обращается к «Всеславянскому народу» с пожеланием будущего единства:

Пусть такое же единение
Всех славян объемлет вновь:
В нем и сила, и спасенье,
В нем и вера и любовь!

«Грюнвальд» Василия Ефимовича Вязьмитинова представляется интересным памятником своей эпохи, русской литературы и политической идеологии начала XX в. Однако это произведение было незаслуженно забыто потомками и до сих пор ни разу не упоминалось в научной литературе. Причиной тому, видимо, была «классовая чуждость» и белогвардейское прошлое поэта. Сохранившийся чудом оригинал «Грюнвальда» хранится в личном фонде Вязьмитинова в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Юбилейные торжества в 1960 году

Окончание Второй мировой войны и изменение геополитической обстановки во всей Европе придало памяти об исторической битве новое значение. В соответствии с условиями Потсдамского соглашения, в 1945 г. Польская республика получила территории Юго-восточной Пруссии, Гданьск (Данциг), Восточную Померанию и Силезию, ранее принадлежавшие Германии, в обмен на отказ от претензий на восточные земли, ранее аннексированные СССР. Присоединение названных выше немецких территорий на долгие десятилетия стало камнем преткновения в отношениях ФРГ и Польши. Если ГДР признала свою восточную границу в 1950 г., то ФРГ согласилась с западной польской границей по рекам Одер и Нейсе только в 1970 г. (как фактически существующей). А окончательное признание состоялось только в 1990 г.

Поэтому два первых послевоенных десятилетия прошли в жесткой идеологической борьбе между Польской республикой и Западной Германией. И образ Грюнвальдской битвы активно использовался в этом противостоянии. Так, в марте 1958 г. федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр принял почетный титул рыцаря Тевтонского ордена. С большой долей уверенности можно сказать, что этот его поступок был спланированным политическим «уколом» в польскую сторону. В ответ на этот идеологический вызов первый секретарь ЦК Польской Объединенной Рабочей Партии (польск. «Polska Zjednoczona Partia Robotnicza», PZPR) Владислав Гомулка 17 июля 1960 г. во время празднования юбилея битвы сравнил Аденауэра

и Великого магистра Тевтонского ордена: «Природа волка немецкого империализма не изменилась со времен Ульриха фон Юнгингена до времен Конрада Аденауэра».

Уделить особое внимание этому тезису в пропаганде советовала Директива отделения пропаганды и агитации центрального комитета ПОРП «О торжествах по поводу праздника возрождения Польши в 1960 году и 550-й годовщины битвы при Грюнвальде», датированная июнем 1960 г.³⁰ Другой, более ранний документ — заявление отделения пропаганды и агитации центрального комитета ПОРП и областного комитета Ольштына в секретариат ЦК «О праздниках по случаю 550-й годовщины битвы при Грюнвальде». Один из его пунктов гласил:

Празднование юбилея битвы при Грюнвальде покажет всему миру, что польский народ, вместе с братскими народами всех социалистических стран и при их поддержке, представляет прогрессивно настроенных людей, силу в мире, которая способна эффективно противостоять стремлению германских милитаристов на Восток, что является гарантией неприкосновенности наших границ в Одере и Нейсе³¹.

Таким образом, многовековая вражда поляков и немцев стала лозунгом официальной социалистической пропаганды. Особо оговаривалось, что под немецкими империалистами подразумевалось руководство ФРГ, тогда как ГДР объявлялось первым миролюбивым социалистическим немецким государством. В то же время Грюнвальдская битва представлялась идеологами ПОРП символом дружбы польского народа с народами СССР и ЧССР.

Юбилей битвы, интерпретируемой как величайшая национальная победа поляков над немцами, выполнял важную роль в развитии польской идентичности на приобретенных территориях³². Польским властям было необходимо показать (или доказать) их жителям «правду о польском характере западных областей и многовековой борьбе ее жителей против германизации»³³. Владислав Гомулка в своей речи на торжественной сессии сейма, посвященной 1000-летию польской государственности в 1960 г., специально отметил историческое значение Грюнвальдской победы в деле «...окончательного разгрома смертельного врага Польши и Литвы и возвращения исконных польских земель»³⁴.

Грюнвальд выполнял роль единой национальной идеи для всех поляков вне зависимости от их мировоззрения и политических взглядов³⁵. Проведение массовых торжеств на вновь обретенном Грюнвальдском поле позволяло полностью использовать огромный патриотический потенциал рефлексии битвы в польском самосознании. Руководство ПОРП поручило Всепольскому комитету Фронта национального единства (польск. «Ogólnopolski Komitet Frontu Jedności Narodu»)

³⁰ *Traba R.* Grunwald. Konstruktion und Dekonstruktion eines nationalen Mythos. Überlegungen auf der Grundlage einer semantischen Analyse polnischer Feierlichkeiten anlässlich der Jahrestage der Schlacht bei Grunwald/Tannenberg im 20. Jahrhundert // *Mare Balticum. Begegnungen zu Heimat, Geschichte, Kultur an der Ostsee.* München, 2005. S. 131.

³¹ *Ibid.* S. 127.

³² *Reznik M.* Transformations of Regional History in the Polish «Western Territories» since 1945: Legitimization, Nationalization, Regionalization // *Frontiers, regions and identities in Europe.* Pisa, 2009. S. 232.

³³ *Traba R.* Grunwald. Konstruktion und Dekonstruktion... S. 126.

³⁴ *Гомулка В.* 1000 лет Польши. Речь, произнесенная на торжественной сессии сейма 11 июля 1960 г. Варшава, 1967. С. 17.

³⁵ *Traba R.* Grunwald. Konstruktion und Dekonstruktion... S. 117.

подготовку и проведение юбилейных мероприятий на историческом поле. Они состоялись 17 июля 1960 г.

По официальным данным, на торжествах собрались примерно 200 000 человек³⁶. Участие в празднованиях приняли также делегации из Советского Союза, Чехословакии, из Болгарии и Румынии. После выступлений руководства Польской республики в небо было выпущено более 30 000 голубей, а над головами собравшихся пролетели 16 бомбардировщиков Ил и 64 истребителя МИГ, демонстрируя мощь ВВС Польской республики. Была выпущена серия юбилейных почтовых марок.

В том же году был открыт новый памятник на Грюнвальдском поле взамен старого, установленного в 1953 г. Победителями конкурса на проектирование мемориального комплекса стали скульптор Ежи Бандура и архитектор профессор Витольд Цецкевич³⁷. Их проект включал в себя несколько элементов: обелиск, призма из восходящих к небу стилизованных флагштоков и широкий барельеф, изображающий карту расположения войск до битвы, созданную польскими историками. Внутри располагался своеобразный амфитеатр, внутри которого были музей, кинозал и лекторий. Важно отметить, что развалины тевтонской часовни Св. Марии, лежавшие в 500 м к юго-западу от монумента, так же были включены в музейное пространство. После археологических изысканий было обозначено предполагаемое место ставки Ягайло во время битвы, и одна из возвышенностей названа «холм Ягайло».

Сам монумент оказался виден с большого расстояния. Наиболее заметная его часть — это 10-метровый обелиск из силезского гранита, изображающий барельеф двух рыцарей. Недалеко стоят 11 флагштоков 30-метровой высоты, символизирующие боевые хоругви польско-литовской армии. Со ступенек амфитеатра зритель сможет разглядеть мельчайшие подробности рельефной карты размером 18,5 × 23,5 м. На входе в музей Грюнвальдской битвы стоит урна с землей с 130 полей битв, в которых участвовали польские воины и партизаны против германцев в период с 963 до 1945 г.

Не только на Грюнвальдском поле сооружались юбилейные монументы в 1960 г. Похожий памятник был возведен перед Епископским дворцом в Волборже, где собиралась польско-литовская армия перед походом в Пруссию³⁸.

Другим важнейшим событием Грюнвальдских торжеств стала премьера экра-

Монумент на Грюнвальдском поле

³⁶ Mick C. Kriegserfahrungen und die Konstruktion von Kontinuität. S. 125.

³⁷ Ekdahl S. The battle of Tannenberg... S. 186.

³⁸ Ibid. S. 188.

низации романа Генрика Сенкевича «Крестоносцы», вошедшего в послевоенной Польше в программу школьного курса по литературе и издаваемого миллионными тиражами. Премьерный показ состоялся во второй половине дня 17 июля на Грюнвальдском поле, а с сентября 1960 г. фильм вышел в мировой кинопрокат. Он побил все рекорды зрительской популярности не только у себя на родине, в Польше, но и в кинозалах других 32 государств, куда поставлялся. Историческим консультантом картины был Стефан Кучинский — ведущий в то время специалист по истории войн Королевства Польского с Тевтонским орденом³⁹.

В отличие от романа Сенкевича, в фильме была рельефно выпячена негативная роль рыцарей Тевтонского ордена, что было призвано сформировать крайне отрицательную их оценку у зрителей. Также вырос удельный вес Грюнвальдской битвы: если описание битвы в романе составляет примерно четырнадцатую часть его объема, то в фильме она занимает примерно седьмую часть. Создатель киноленты Александр Форд акцентировал внимание на конфликте между немцами и поляками, попытавшись сделать его даже более выразительным, чем у Сенкевича⁴⁰. Уже первая сцена фильма задает его идейную основу. Два тевтонских герольда подходят к польскому королю Ягайло и передают ему послание от Великого магистра ордена Ульриха фон Юнгингена, известное нам по роману «Крестоносцы» и из хроники Яна Длугоша⁴¹. После этого камера показывает крупным планом, как один герольд с размахом вонзает в землю перед Ягайло два клинка. Стоит отметить, что два опущенные лезвиями вниз меча очень узнаваемый для поляков символ — символ Грюнвальдской битвы, отраженный в военной символике (например, орден «Крест Грюнвальда»). Зритель, таким образом, получал своеобразное политическое послание. Выдернутый из контекста жест тевтонца кажется особенно заносчивым. И только в конце фильма зритель узнает, что таким образом Юнгинген вызывал союзное войско на битву, однако режиссер уже успел к тому времени создать представление, что Грюнвальдская битва явилась справедливой расплатой за жестокость и непомерную гордыню тевтонцев. Принимая мечи, Ягайло скрещивает их над своей головой, повторяя жест известной конной скульптуры, символа польской делегации на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 г.⁴²

Если в сценах, изображающих события в Польском королевстве, мы видим золотые поля пшеницы, зеленые леса и многолюдные веселые праздники, то образ Тевтонского ордена иной: голые, серые ландшафты, виселицы и толпы польских невольников, принуждаемых к работе кнутами надсмотрщиков. Тут явно просматривается параллель с гнетом Третьего Рейха во время оккупации Польши и трудом бесчисленного количества поляков, угнанных на принудительные работы в Германию⁴³. Эта картина резко контрастирует с грандиозными пирами великого магистра в Мариенбурге. И снова польский зритель должен был вспомнить не-

³⁹ Jockheck L. Ein Nationalmythos in «Eastman Color». Die Schlacht bei Tannenberg 1410 im polnischen Monumentalfilm «Die Kreuzritter» von Aleksander Ford // Mare Balticum. Begegnungen zu Heimat, Geschichte, Kultur an der Ostsee. München, 2005. S. 133–168.

⁴⁰ Ibid. S. 143.

⁴¹ См.: Сенкевич Г. Крестоносцы. М., 2007. С. 620; Длугош Я. Грюнвальдская битва. СПб., 2008. С. 98–99.

⁴² Подробнее о монументе см.: Касович А. А. Грюнвальдская битва в исторической памяти народов Восточной Европы. С. 16.

⁴³ Jockheck L. Ein Nationalmythos in «Eastman Color»... S. 148.

давнее прошлое, когда фашистские оккупанты наживали невероятные состояния, эксплуатируя поляков.

Иначе, чем у Сенкевича, в фильме представлен Ягайло: из пожилого, мягкого и слабовольного монарха в оригинале, в экранизации он превратился в молодого, решительного и политически дальновидного правителя. Попытку реабилитации польского короля можно объяснить политическим решением. Как уже говорилось, польский лидер Владислав Гомулка провел аналогию между Конрадом Аденауэром и Ульрихом Юнгингеном, и, разумеется, секретарь ЦК ПОРП не был против сравнения себя с победителем Грюнвальда, изображенного в выгодном свете.

В самом конце фильма помещена сцена, где к ногам Ягайло бросают знамена побежденной тевтонской армии. Тут у зрителя снова должны были возникнуть ассоциации с всемирно известным парадом Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г., когда знамена фашистских воинских формирований бросались к подножию мавзолея В. И. Ленина⁴⁴. Все эти и многие другие символы в экранизации романа Генрика Сенкевича актуализировали в сознании поляков Грюнвальдскую битву.

Празднование 550-летия Грюнвальдской битвы в советской Литве прошло не так масштабно, как в Польской республике. Из всех значимых мероприятий была закладка камня на месте будущего памятника битве в Вильнюсе недалеко от замка Гедимины⁴⁵. Такую скудость юбилейных событий можно объяснить. Опыт успешной совместной борьбы с поляками был бы невоспринят литовцами, так как к тому времени еще не была забыта польская агрессия против Литвы в межвоенный период. Кроме того, прославление литовских героев Грюнвальда (а вместе с ними и Витовта) могли бы вызвать сильные националистические настроения и, как возможное следствие, — рост антисоветских идей.

Большинство мероприятий в СССР, посвященных юбилею сражения, прошло в Москве. Пресса и радио откликнулись многочисленными статьями⁴⁶ и передачами. Советские историки также подготовили исследования, посвященные битве⁴⁷. Торжественные заседания с докладами о Грюнвальдской битве и о ее значении были проведены обществом Советско-польской дружбы и Академией наук СССР. 7 июля 1960 г. на расширенном заседании Ученого совета Института славяноведения СССР выступали с докладами известные ученые В. Д. Королюк и И. К. Горский, а после обсуждения слово взял Чрезвычайный и Полномочный посол Польской республики в СССР Болеслав Ящук⁴⁸. На экраны советских кинотеатров вышел документальный фильм «Уроки Грюнвальда», в котором наряду с описанием исторического сражения проводились ассоциации между Тевтонским орденом, Третьим Рейхом и руководством ФРГ⁴⁹.

⁴⁴ Ibid. S. 149, 154.

⁴⁵ *Nikžentaitis A. Žalgiris. Zur Bedeutung und Funktionsweise eines litauischen Nationalmythos // Mare Balticum. Begegnungen zu Heimat, Geschichte, Kultur an der Ostsee. München, 2005. S. 108.*

⁴⁶ *Палекис Ю.* Уроки Грюнвальда. К 550-летию исторической битвы // Правда. 15 июля 1960. С. 5.

⁴⁷ *Караев Г. Н.* Грюнвальдская битва 1410 г. М., 1960; *Караев Г. Н., Королюк В. Д.* К 550-летию Грюнвальдской битвы // ВИ. 1960. № 7; *Пауцто В., Ючас М.* 550-летие Грюнвальдской битвы // Военно-исторический журнал. 1960. № 7; и др.

⁴⁸ *Орехов А. М.* К 550-летию Грюнвальдской битвы // ВИ. 1960. № 10. С. 148.

⁴⁹ *Королюк В. Д., Миллер И. С.* Тысячелетие Польского государства. Грюнвальдская битва // Преподавание истории в школе. 1960. № 6. С. 30.

Выводы

Таким образом, празднование 500-летнего юбилея Грюнвальдской битвы в Галиции было отмечено как общенациональный праздник, поддержанный всеми слоями польского общества. Изобразительное искусство, монументальная скульптура, с одной стороны, и многолюдные митинги и шествия, с другой, прочно закрепляли образ Грюнвальда в сознании поляков. Торжества были нацелены на их единение в борьбе с германизацией, сохранение идентичности, и давали польскому народу надежду на восстановление государственности. В Российской империи, несмотря на определенный интерес со стороны части российской общественности, юбилей оказался невоспринятым основной частью населения. Организаторам так и не удалось объединить широкие массы населения вокруг былой победы русского оружия. Важной чертой всех юбилейных собраний в Российских губерниях было акцентирование внимания на участии полков из русских городов, в том числе и Смоленских, и их решающего вклада в Грюнвальдскую (Дубровненскую) победу.

Так же как и при праздновании 500-летнего юбилея битвы, в 1960 г. торжества в польских землях приняли общенациональный характер. Однако в отличие от 1910 г., целью всех мероприятий было использование памяти о Грюнвальдской победе в идеологическом противостоянии с ФРГ, а также как символа традиционной дружбы и взаимопомощи польского народа и народов ЧССР и СССР. Кроме того, юбилей Грюнвальдской битвы послужил удобным поводом для обоснования польской идентичности на территориях, отошедших Польше после Второй мировой войны. Хотя властями в СССР и были поддержаны торжества 550-летия битвы и была проведена работа по информированию населения о них, юбилей Грюнвальда в Советском Союзе так и не вышел за рамки удобного повода для антизападной идеологической пропаганды.

Summary

In the article the most significant 20th century anniversaries of the Grunwald battle (in 1910 and in 1960) are examined. The author reveals the character of the celebrations in Polish lands and in Russian empire, and then in the USSR, and compares them.

Celebrations in Galicia on 15–17 July, 1910, were devoted to the 500th anniversary of Grunwald battle included opening a monument in Cracow and the procession to the tomb of king Jagiełło, the victor over the Teutonic order. The anniversary was aimed at preserving the Polish identity and gave to the Polish people a hope for a restoration of its statehood. As well as in celebrating 500th anniversary of the Grunwald battle, in 1960 the Grunwald celebration assumed a national character for all Poland. In 1960 the Polish government used the memory of Grunwald victory in the ideological opposition to Germany. It is also used as a symbol of traditional friendship of the Polish people and people of Czechoslovakia and the USSR. Besides the Grunwald battle served as a convenient occasion for maintaining the Polish identity in territories which were included in Poland after the World War II.

Though some anniversary actions were held in Russian empire in 1910 and in the Soviet Union in 1960, there was no national myth about the Grunwald battle unlike the situation in Poland.